

Газета «Вести» открывает новую рубрику «Великие писатели Отечества». Нашим читателям мы предлагаем ознакомиться с краткой биографией людей, которые существенно повлияли на мировоззрение россиян, воспитание в них чувства прекрасного, сделали русский язык великим и могучим. При этом не будем забывать, что некоторые из них стали предвестниками трех революций в Российской империи, приблизив смутные времена с кровавой круговертью. Великие писатели Отечества составляют часть нашей истории и заслуживают того, чтобы их творчество знали и помнили.

Материалы печатаются по книге «Сто великих писателей». Авторы Любовь Калюжная и Геннадий Иванов. Издательство «Вече», 2002 год.

Гавриил Романович Державин

(1743–1816)

Пушкинскую эпоху называют золотым веком русской поэзии не только благодаря Александру Сергеевичу. В это же время творили прекрасные поэты – Державин, Батюшков, Жуковский, Баратынский, баснописец Крылов, начинали Лермонтов и Тютчев.

Гавриил Романович Державин был непосредственным предшественником Пушкина. Он был славой XVIII века, его боготворили, им восхищались. Можно сказать, что слава Державина перешла к Пушкину.

Сам Александр Сергеевич вспоминает, как он относился к Державину в юности: «Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад»... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен

он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестели; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

Это Пушкин написал в 1835 году, к тому времени отношение его к поэзии Державина по существу не изменилось. Он считал его великим поэтом.

Некоторые мыслители считали, что великая русская литература началась с оды Державина «Бог». Именно этой одой он открыл свое собрание сочинений.

Державин – поэт классицизма. Но он внес в классицизм «сердечную простоту», поэтому его оды, его лирические стихи как бы шагнули из условностей классицизма в живую жизнь. В творчестве поэта отразилось много конкретных черт русской жизни, русского быта, живых русских раздумий того времени. В них появилось немало злободневного.

Современному читателю порой читать Державина трудновато. Но таков поэтический язык допушкинской эпохи. Это русский язык еще неустоявшийся и пестрый, еще не приведенный в гармонию. Он насыщен формами и оборотами, которые шли из старины.

Родился Державин близ Казани в семье мелкопоместного дворянина. Систематического образования не получил. Десять лет прослужил солдатом в Преображенском полку. В 1772 году был произведен в офицеры. В 1777 году перешел на штатскую службу: служил в сенате, был губернатором в Петрозаводске и Тамбове, затем секретарем Екатерины II, министром юстиции при Александре I. Отличаясь независимостью характера и прямоотой («Горяч и в правде черт!» – говорил он о себе), Державин нередко ссорился с начальством, побывал даже под судом. С 1803 года жил на покое, проводя лето в своем имении Званке, на берегу Волхова.

Сочинять стихи он начал, еще будучи солдатом, писал в казарме. В 1776 году свои оды поэт напечатал отдельной книжкой, но без обозначения своего имени. Книжка осталась незамеченной. Позже он был принят в кружок популярных в то время писателей – Н. А. Львова, И. И. Хемницера, В. В. Капниста, многому учился у них, штудировал труды теоретиков классицизма – Буало, Батте, читал Горация и других античных авторов.

Эти штудии Державину сильно помогли. Свои новые сочинения он анонимно печатал в петербургских журналах – и это уже были истинно державинские произведения: «На смерть князя Мещерского», «Ключ», «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока». Читатели почувствовали, что никто из прежних поэтов, ни Сумароков, ни Ломоносов, с такой смелостью не пользовались «низким штилем», не вводили так просторечия, не рисовали с такой смелостью в стихах самих себя, своих знакомцев, окружающую обстановку. В стихах классицистов всё было регламентировано, а Державин, сохраняя оду как жанр, насыщал её новым содержанием.

Огромный успех имела ода Державина «Фелица», написанная в 1782 году. Под видом царевны «Киргиз-Кайсацкия орды» Фелицы поэт вывел императрицу Екатерину. Та, прочитав оду, наградила поэта и дала ему личную аудиенцию.

Державин нарисовал в «Фелице» образ Екатерины как просвещенной «матери отечества», неустанно радеющей о благе подданных, свято соблюдающей законы, умной и простой в быту и привычках. Поэт пытался создать идеальный образ монарха. В каком-то смысле эта ода была уроком поэта царям.

Державин воспевал императрицу, но при этом сатирически рисовал её вельмож. За что те, естественно, мстили ему. Так он и был услан подальше от столицы в глухую Олонецкую губернию – но губернатором. Державин объездил весь Север. Во время плавания по Белому морю однажды в шторм он чуть не погиб.

Гавриил Романович был очень смелым, решительным, мужественным человеком. Есть в его биографии и такой факт. Когда до Петербурга дошли слухи о восстании Пугачева, Державин добился назначения его в команду к генералу Бибикову, возглавлявшему правительственные войска против повстанцев. Три года он провел в огне крестьянской войны, два раза чуть не попал в плен к самому Пугачеву.

«В лице Державина поэзия русская сделала великий шаг вперед», – писал Белинский. А историк русской литературы Г. Гуковский подтверждает: «Его стихи рвут из рук, их переписывают в заветные тетради, они не нуждаются даже в печати, их и без того знают наизусть все...» Это уже 80–90-е годы XVIII века.

Державин придавал огромное значение изобразительной силе стихов, звуковой, фонетической окраске.

Прочитаем вместе замечательное стихотворение «Лебедь», в котором и звукопись прекрасна, и изобразительность изумительная, и содержание очень серьезное – в этом стихотворении, которое напоминает греческое предание о том, что души поэтов после смерти превращаются в лебедей, мы видим, что Державин знал себе цену как поэту и понимал, что останется он в памяти людей не как вельможа, а как великий поэт.

Иван Андреевич Крылов

(1769–1844)

В чём непреходящая прелесть басен Крылова? Почему мы часто цитируем его, даже и не вспоминая, что это Крылов?

Прежде всего, дело, конечно, в самобытности таланта нашего баснописца. Крылов смог интернациональные сюжеты басен – а они действительно гуляют по всему свету и конкретно не принадлежат ни одному народу – сделать русскими, национально окрашенными. И дело не только в самом русском языке, на котором некоторые переводы звучат и живут более яркой жизнью, чем на родных языках. У Крылова «живописный способ выразиться», как говорил о нём Пушкин, его язык настолько живой и образный, что его можно сравнить с сочной живописью.

Богатство художественного языка Крылова складывается из особого богатства литературного языка XVIII века, который значительно отличается от языка XIX века (а Крылов еще и сформировался в своеобразной архаике XVIII века), и из прекрасного

знания народной разговорной речи – такое впечатление, что некоторые басни написаны талантливым человеком из простонародья.

Пушкин восхищался поэтическим талантом Ивана Андреевича, его самобытной интонацией. Крылов как бы ведет простонародный сказ – мягкий, добродушный, лукавый. Язык его – картинный.

Об уникальном даровании нашего великого баснописца говорит тот факт, что многие фразы из его басен стали крылатыми. Они стали украшением русского языка. Надо обладать уникальным даром проникновения в самую сердцевину родного языка, чтобы народ воспринял эту строку как свою народную поговорку.

«А Васька слушает да ест» – из басни «Кот и повар» (1813).

«А вы, друзья, как ни садитесь, / Все в музыканты не годитесь» – из басни «Квартет» (1811).

«Ай, Моська! Знать, она сильна, / Что лает на слона» – из басни «Слон и Моська» (1808).

Довольно часто цитируют слова И. А. Крылова из басни «Щука и Кот» (1813): «Беда, коль сапоги начнет печи сапожник, / А сапоги тачать пирожник».

«Да только воз и ныне там» – это из басни «Лебедь, Щука и Рак» (1814).

«Демьянова уха» – эти слова из одноименной басни Крылова употребляются в значении: чрезмерное угощение, вопреки желанию угощаемого.

Так часто мы говорим: «Из дальних странствий возвратись». Легкие, красивые слова из

басни «Лжец» (1812).

Или «Избави Бог и нас от таких судей» – строка из басни «Осел и Соловей» (1811).

«Крестьянин ахнуть не успел, / Как на него медведь насел». «Кукушка хвалит петуха / За то, что хвалит он кукушку». «Медвежья услуга» – это выражение из басни «Пустынник и Медведь», но кажется, что это не писатель сказал, а оно уже жило в народе, и писатель только услышал и включил его в басню. «Навозну кучу разрывая, / Петух нашел жемчужное зерно». «Орлам случается и ниже кур спускаться, / Но курам никогда до облак не подняться». «По мне, уж лучше пей, / Да дело разумей». «Рыльце в пуху». «Слона-то я и не приметил». «Тришкин кафтан». «Ты все пела? Это дело; / Так пойдя же попляши!..»

Можно еще приводить примеры крыловских строк, ставших крылатыми словами. Их десятки и десятки. Порой уже не поймешь, что раньше было – народная поговорка или строка Крылова. Например, «Хоть видит око, да зуб неймет». Это выражение из басни «Лисица и виноград» (1808). А в сборнике Снегирева «Русские народные пословицы» эти слова приведены в качестве пословицы.

Иван Андреевич Крылов был сыном бедного армейского офицера. Семья так часто переезжала с места на место, что исследователям было трудно установить, где родился писатель. Предполагают, что где-то в Заволжье.

В 1775 году отец Крылова оставил военную службу и поселился в Твери, стал мелким чиновником. Но у него была возможность дать сыну неплохое образование – Иван учился вместе с детьми тверского губернатора.

Дальнейшего образования Крылов не получил, но и тверскому его образованию очень удивлялся сам Пушкин.

Отец будущего баснописца умер, когда тому было десять лет. Пришлось начать подрабатывать, чтобы поддержать семью – за малую плату он начал служить писцом в

тверском магистрате.

В возрасте четырнадцати лет Иван Крылов переехал в Петербург, поступил на работу в Казенную палату. И тогда же он начал пробовать свои силы в литературе, сочинять комедии. В своих первых произведениях он высмеивал пороки людей, но комедии его далеки от совершенства и, естественно, не вышли на сцену.

С 1789 по 1793 год Крылов издавал со своими друзьями сатирические журналы: «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий». Особенно в них порицались самодурство и самодержавный деспотизм. В эти же годы он написал повести «Каиб», «Похвальная речь в память моему дедушке».

Сатирики, да еще талантливые, сразу же в ту эпоху брались на заметку, и за Иваном Андреевичем установили полицейский надзор. Дабы не оказаться сосланным, Крылов сам покинул столицу и десять лет не выступал в печати.

Басни, принесшие Ивану Андреевичу всероссийскую славу, начали появляться с 1805 года. Басни становятся его страстью, его вдохновением, его единственным жанром. Основные темы басен Ивана Андреевича – обличение крепостных порядков и крепостников, бюрократов, обличение человеческих пороков и грехов, порой басни рождались из того или иного реального события. Он возвратился в Петербург и тридцать лет служил в Публичной библиотеке библиотекарем.

Собрание басен Крылова Гоголь назвал «книгой мудрости самого народа».

Василий Андреевич Жуковский

(1783–1852)

О таланте, о стихах Василия Андреевича Жуковского Пушкин сказал ярче и точнее всех:

Его стихов пленительная сладость

Пройдет веков завистливую даль...

По крайней мере вот уже два века его поэзия живет, а не только изучается историками литературы. Почти каждый год выходят книги Жуковского – и не лежат на прилавках магазинов мертвым грузом.

Василий Андреевич считается основоположником русского романтизма, который, надо сказать, был вполне оригинальным явлением, выросшим на своих национальных корнях. В элегиях и балладах Жуковского впервые с необычайной искренностью открылся читателю внутренний мир, оттенки душевных движений поэта. До него, пожалуй, не было в русской поэзии такого музыкального стиха, такого певучего, богатого нюансами и полутонами. Наряду с Батюшковым Жуковский фактически создал нашу лирику. И совершенно справедливо позже Белинский писал: «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина».

Василий Андреевич родился 9 февраля 1783 года в богатой дворянской усадьбе в селе Мишенском Белевского уезда Тульской губернии. Он был внебрачным сыном помещика А. И. Бунина и пленной турчанки Сальхи, считавшейся крепостной. Отчество и фамилию ему дали по его крестному отцу, бедному дворянину А. Г. Жуковскому. Воспитывался он и первоначальное образование получил в семье Буниных. Для продолжения образования его отвезли в Москву и отдали в благородный пансион при Московском университете (1797–1801). В эти годы он начинает печатать свои стихи, а в 1802 году становится известным, опубликовав вольный перевод элегии английского поэта Томаса Грея «Сельское кладбище».

Остановимся немного на этой элегии. Во-первых, публикация состоялась в журнале

самого Карамзина «Вестник Европы». Во-вторых, сразу проявились основные особенности поэтического дарования Жуковского. Для выражения своей собственной идеи поэт заимствует тему и образы её раскрывающие. Так он будет и потом нередко поступать при создании своих лирических стихотворений и баллад. «Это вообще характер моего авторского творчества, – разъяснял поэт впоследствии, – у меня почти всё или чужое, или по поводу чужого – и всё, однако, мое». Жуковский предпочитал по готовому рисунку вышивать свой лирический узор – и достигал в этом совершенства. «Фауст» Гёте – тоже узор по известному сюжету. «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник», – это тоже одна из основных творческих формул Жуковского.

В элегии Грея наш поэт значительно усиливает в своем поэтическом тексте мотив благородства и высоких нравственных достоинств простых и скромных крестьян и осуждение привилегированных слоев общества. В подстрочнике у Грея: «Но вы, гордые, обвиняете их в том, что память не воздвигла на их могиле саркофаги...» Жуковский эту мысль выражает так:

А вы, наперсники фортуны ослепленны,

Напрасно спящих здесь спешите презирать

За то, что гробы их непышны и забвенны...

А в первоначальной редакции у него было сказано еще резче:

Судьбы и счастья наперсники надменны,

Не смейте спящих здесь безумно укорять

За то, что кости их в забвении лежат...

И в своих оригинальных произведениях, и в переводах Жуковский воспевает мирную жизнь народа, чуждую суеты и, как говорят, политики, социальных конфликтов. Он не касается общественных противоречий, он больше интересуется нравственной, душевной стороной человеческой жизни. Его внимание по преимуществу направлено на внутренние переживания – в основном, возвышенные и созерцательные. Всё это мы находим в его стихах «К поэзии», «Стихи на день рождения», «Сон Могольца», «К Филарету», «К Нине», «Славянка», «К Батюшкову» и других.

На нашествие Наполеона в 1812 году Жуковский откликнулся патриотической поэмой «Певец во стане русских воинов». Он был в рядах ополчения. Со своим отрядом он стоял под Можайском в день Бородинского сражения, «слышал свист нескольких ядер и канонаду дьявольскую», как он сам писал. Затем отступал к Москве и за Москву, по Калужской дороге. Здесь в начале октября, перед сражением у Тарутина, которое стало началом разгрома наполеоновской армии, он и написал стихотворение «Певец во стане русских воинов». Оно сразу стало распространяться в списках, вызывая восторг читателей.

Стихотворение представляло собой романтическую «оду». Оно прекрасно выразило тот патриотический энтузиазм, который охватывал в те дни всё русское общество. Жуковский напоминает бойцам 1812 года славные героические традиции русского народа, вызывает в памяти своих современников образы Святослава Киевского, Дмитрия Донского, Петра I, Суворова.

Жуковский восхваляет и русского царя, славит фельдмаршала М. И. Кутузова, разворачивает целую вереницу образов героев Отечественной войны: Ермолова, Раевского, Витгенштейна, Коновницына, Воронцова... Особую симпатию его вызывают командиры казачьих и партизанских отрядов. Так, используя некоторые приемы героического стиля, заимствованные из «Слова о полку Игореве», он прославляет Платова.

Патриотические чувства поэта, выраженные с таким блеском в «Певце во стане русских воинов», а также в другом стихотворении – «Императору Александру» (1814), были

высоко оценены при дворе. Императрица пригласила его стать своим «чтецом». Потом он стал учителем невесты будущего самодержца Николая I, а позднее – наставником его сына и наследника, будущего царя Александра II.

О взглядах Жуковского дает представление письмо к Сперанскому, который тоже воспитывал наследника верховной власти в России. Жуковский был главным воспитателем цесаревича, Сперанский спрашивал у него совета. Василий Андреевич делится своими сокровенными мыслями:

«Ваше мнение о ходе воспитания вел. князя мне дорого... Воспитание вел. князя идет хорошим порядком... Русский государь должен быть предпочтительно русским. Но это не значит, что он должен все русское почитать хорошим, потому единственно, что оно русское. Такое чувство, само по себе похвальное (ибо происходило бы от любви к тому, что он любить более всего обязан), было бы предрассудок, вредный для самого отечества. Быть русским есть уважать народ русский, помнить, что его благо в особенности вверено государю Провидением, что русские составляют прямую силу русского монарха, что их кровию или любовью утверждён и хранится трон их царя, что без них и он ничто, что они одни могут ему помогать действовать с любовью к отечеству. Иностранец может быть полезен России. И даже более русского, если он просвещенный: но он будет действовать для одной чести, для одной корысти, редко из любви к России. Русский, при честолюбии, будет иметь и любовь к России. И русский с талантом и просвещением всегда будет полезнее России, нежели иностранец с талантом и просвещением. Если русских просвещенных менее, нежели иностранцев, то не их вина: вина правительства. Оно само лишает их способов стать наряду с иностранцами, и потому не вправе обвинять их в том, что они уступают последним. Без уверенности народа, что государь его имеет к нему доверенность, уважение и предпочтение, не будет привязанности народа к государю. Замеченное предпочтение государя иностранцам оскорбляет народную гордость, а оскорбленная народная гордость не прощается: она производит ненависть, может произвести и мятежи. Кого тогда обвинять?»

Государь Русский! Помни, что ты русский! Помни Куликовскую битву, помни Минина и Пожарского, помни 1812 год!»

Особенно удаются Жуковскому баллады. После успеха «Людмилы» он пишет баллады на сюжеты из произведений Шиллера, Саути, Вальтера Скотта: «Старушка» (1814), «Варник» (1814), «Ахилл» (1814), «Гаральд» (1816) и другие. Особенно значительными стали «Эолова арфа» (1814) и «Вадим» (1817). «Эолова арфа» написана на абсолютно

оригинальный сюжет, Белинский называл её лучшей балладой поэта.

Безусловно, Жуковский был в центре литературной жизни Петербурга, был бессменным поэтическим секретарем литературного объединения «Арзамас», поддержал талант Пушкина, а прочитав его поэму «Руслан и Людмила», послал поэту свой портрет с надписью «Победителю ученику от побежденного учителя».

Жуковский перевел много произведений западноевропейских и восточных поэтов: «Орлеанскую деву» Шиллера, «Шильонский узник» Байрона, «Ангел и пери» Мура, «Ундину» Лямотт-Фуке, отрывок из «Махабхараты», большой эпизод из «Шахнаме» Фирдоуси. Главный его труд переводчика – это непревзойденный и до сих пор перевод «Одиссеи» Гомера.

Последние десять лет своей жизни поэт прожил с молодой женой, дочерью художника Рейтерна, за границей. Умер Жуковский в Баден-Бадене 24 апреля 1852 года. Тело его было перевезено в Россию и похоронено на петербургском кладбище рядом с могилой его учителя и друга Н. М. Карамзина.